

УДК 341.2

## Международно-правовые основы сотрудничества КНР с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций в сфере продовольственной безопасности

Якупова Алия Наилевна, магистрант, Уфимский университет науки и технологий, yakup\_alia@mail.ru

Минигулова Ильмира Рафисовна, доцент кафедры международного и интеграционного права, Уфимский университет науки и технологий, кандидат философских наук, iltmira\_mini@mail.ru

В статье анализируется эволюция участия Китайской Народной Республики в деятельности Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций. Исследуется трансформация роли Китая от реципиента помощи к ключевому донору и инициатору программ сотрудничества «Юг — Юг». Особое внимание уделено сравнительно-правовому анализу международных стандартов продовольственной безопасности и национального законодательства КНР, включая новый Закон КНР об обеспечении продовольственной безопасности 2024 г. Автор приходит к выводу о том, что продовольственная политика Пекина сочетает в себе принцип приоритета государственного суверенитета внутри страны с инструментом «мягкой силы» на международной арене, что создает новые вызовы и возможности для глобальной системы регулирования продовольственной безопасности.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, аграрный суверенитет, международное право, сравнительно-правовой анализ.

Современная система международных отношений характеризуется усилением взаимозависимости государств в решении глобальных проблем, среди которых обеспечение продовольственной безопасности занимает одно из центральных мест. Данная категория вышла за рамки чисто экономического или агрономического дискурса и приобрела значение ключевого элемента национальной и международной безопасности. В этом контексте деятельность Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО) приобретает стратегическое значение как координирующего центра усилий по искоренению голода. Особый научный интерес представляет эволюция роли Китайской Народной Республики в системе ФАО: от страны-реципиента в конце XX в. до одного из ведущих доноров и идеологов сотрудничества «Юг — Юг» в настоящее время. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления правового фундамента этого партнерства, а также анализа того, как внутреннее законодательство Китая, направленное на абсолютную самообеспеченность, коррелирует с его международными обязательствами и амбициями. Целью настоящей работы является комплексный анализ международно-правовых основ взаимодействия КНР и ФАО, а также выявление специфики национально-правового регулирования продовольственной безопасности в Китае в условиях глобальной нестабильности.

Правовая природа продовольственной безопасности в международном праве базируется на определении, сформулированном ФАО еще в 1970-х гг. и развитом на Всемирном саммите по продовольствию 1996 г. Данный подход трактует продовольственную безопасность не просто как наличие физических запасов пищи, а как сложное состояние, при котором все люди в любое время имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, необходимой для ведения активного и здорового образа жизни [1]. Такая дефиниция смещает акцент с производственных показателей на права человека и социально-экономические гарантии доступа к ресурсам. Миссия ФАО, закрепленная в ее уставе и отраженная в девизе «Да будет хлеб», направлена на реализацию именно этого широкого понимания безопасности через повышение уровня питания, производительности сельского хозяйства и улучшение условий жизни сельского населения [2].

Вместе с тем в доктрине международного права существует дискуссия относительно соотношения понятий «продовольственная безопасность» и «продовольственный суверенитет». Если первый термин, продвигаемый ФАО, делает упор на доступность пищи независимо от источника ее происхождения (импорт или собственное производство), то второй, часто используемый развивающимися странами, подчеркивает право народов определять собственную аграрную политику. Как справедливо отмечает А. П. Любимов, продовольственная безопасность является фундаментальной составляющей национальной безопасности, поскольку дефицит продовольствия неизбежно ведет к социальной дестабилизации и миграционным кризисам [3]. Именно эта двойственность — между глобальной доступностью и национальным контролем — определяет курс политики Китая, который стремится максимизировать собственный суверенитет, одновременно используя механизмы ФАО для укрепления своего влияния в развивающемся мире.

История взаимодействия Китая с ФАО демонстрирует классический пример динамики участия государства в международной организации. Начав с технической помощи в 1970-х гг., КНР к началу XXI в. кардинально изменила свой статус. Поворотным моментом стал 2006 г., когда Китай первым среди развивающихся стран заключил с ФАО рамочное соглашение о стратегическом альянсе в рамках сотрудничества «Юг — Юг» [4]. Данный формат предполагает горизонтальный обмен знаниями, технологиями и ресурсами между странами Глобального Юга, минуя традиционную вертикаль «донор — реципиент», характерную для отношений «Север — Юг».

Финансовая поддержка со стороны КНР носит системный и нарастающий характер, что свидетельствует о сознательной стратегии Пекина по замещению традиционных западных доноров и усилению своего присутствия в органах управления организацией. Учреждение в 2009 г. Целевого фонда ФАО — Китай с первоначальным взносом в 30 млн долл. США положило начало масштабной программе, которая была существенно расширена в последующие годы. В 2015 г. Китай выделил дополнительные 50 млн долл. США на второй этап программы, что было официально подтверждено в пресс-релизах ФАО и МИД КНР [5; 6]. В 2020 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в ходе выступления на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН анонсировал третий

транш в размере 50 млн долл. США, одновременно продлив мандат Фонда мира и развития «Китай — ООН» [7]. 8 июля 2022 г. на встрече глав МИД стран G20 министр иностранных дел КНР Ван И представил инициативу о сотрудничестве в области международной продовольственной безопасности, заявив, что продовольствие и энергетика имеют ключевое значение для здорового функционирования мировой экономики и эффективного претворения в жизнь Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. [8]. По состоянию на январь 2026 г. регулярные взносы Китая в бюджет ФАО достигли рекордных 57,1 млн долл. США, что составляет порядка 20% от общего объема взносов стран-членов, закрепляя за КНР статус одного из ключевых финансовых доноров организации [9].

Финансовая экспансия сопровождается не менее активным экспортом человеческих ресурсов и агротехнологий. Механизм сотрудничества «Юг — Юг» предполагает глубокую интеграцию китайских специалистов в аграрные секторы стран-партнеров. На сегодняшний день сотни китайских экспертов и техников работают в 37 странах Африки, Азии и Латинской Америки, внедряя адаптированные технологии выращивания зерновых, животноводства и аквакультуры [10; 11]. Эмпирическим подтверждением эффективности данной модели служит опыт Намибии, где применение китайских методов рисоводства позволило увеличить урожайность более чем на 10 %, а также проекты в Уганде и Нигерии, направленные на диверсификацию сельскохозяйственного производства. Вместе с тем подобная модель несет в себе определенные риски формирования технологической зависимости стран-реципиентов от китайской экспертной базы и семенного фонда, что требует дальнейшего правового осмысления в контексте обеспечения долгосрочного аграрного суверенитета государств-партнеров. Геополитический подтекст данной активности очевиден: укрепляя продовольственную безопасность союзников, Китай одновременно расширяет зону своего экономического и политического влияния в рамках инициативы «Один пояс — один путь», создавая лояльный блок государств в органах принятия решений ООН.

Наряду с поддержкой глобального сотрудничества на международном уровне Китай реализует стратегию продовольственного суверенитета, основанную на принципе самообеспеченности. Эта двойственность обусловлена объективными демографическими и ресурсными ограничениями: необходимость прокормить более 1,4 млрд человек, обладая лишь 9 % мировых пахотных земель, диктует обеспечение полного продовольственного суверенитета в базовых секторах экономики [12]. Историческая память о катастрофическом голоде 1959–1961 гг., унесшем миллионы жизней, сформировала устойчивый национальный консенсус относительно приоритетности аграрной стабильности над любыми иными экономическими соображениями [13]. Успешная трансформация китайского сельского хозяйства, начавшаяся с реформ Дэн Сяопина, стала предметом детального изучения в современной зарубежной историографии [14]. Этот травматический опыт трансформировался в культурную норму бережливости и нашел отражение в правовой политике государства, направленной на предотвращение любых угроз снабжению.

Конституционно-правовой фундамент продовольственной безопасности в КНР заложен в ряде статей Основного закона, хотя отдельная глава, посвященная данному вопросу, отсутствует. В ст. 8, 26 и 42 Конституции КНР установлены базовые принципы коллективного землепользования, охраны окружающей среды и права на труд, которые интерпретируются как обязанность государства гарантировать условия для устойчивого сельскохозяйственного производства [15]. Ключевым элементом правовой системы является

специализированное законодательство, которое в последние годы претерпело существенную модернизацию. Важнейшим этапом стало принятие в декабре 2023 г. и вступление в силу с 1 июня 2024 г. Закона КНР об обеспечении продовольственной безопасности [16]. Данный нормативный акт кодифицировал стратегию «базового самообеспечения зерном и абсолютной безопасности основных продовольственных товаров», сформулированную ранее в Белой книге 2019 г. [17].

Новый закон характеризуется ярко выраженным публично-правовым характером и императивным методом регулирования. Он охватывает весь цикл продовольственного обеспечения: от защиты пахотных земель и стимулирования производства до создания государственных резервов и управления чрезвычайными ситуациями. В отличие от либеральных моделей, предполагающих опору на рыночные механизмы и импорт, китайское законодательство закрепляет жесткий государственный контроль над стратегическими запасами зерна, рассматривая их как вопрос национальной обороны. Дополняют эту систему Закон о безопасности пищевых продуктов, регулирующий качественные стандарты и безопасность оборота продукции [18], и Закон о сельском хозяйстве, устанавливающий рамки поддержки аграрного сектора и охраны почвенных ресурсов [19]. Примечательно, что ежегодные директивные документы ЦК КПК и Госсовета КНР, известные как «Документы N 1», задают направление развития отрасли: на 2025 г. приоритетами объявлены технологические инновации и реформы в целях укрепления продовольственного потенциала [20]. Таким образом, формируется комплексная система нормативных правовых актов, в которой экономические инструменты подчинены стратегической задаче обеспечения независимости от внешних поставок.

Сопоставление международно-правовых стандартов ФАО и национального законодательства КНР выявляет существенные концептуальные различия. Если подход ФАО акцентирует внимание на доступности пищи и праве на питание, допуская значительную долю импорта и международной торговли как средств обеспечения безопасности, то китайская модель ставит во главу угла физическую доступность продукции собственного производства и минимизацию внешних рисков. С юридической точки зрения это создает потенциальную коллизию между обязательствами государств — членов ФАО по содействию свободной торговле продовольствием и национальными императивными нормами КНР, ограничивающими экспорт в целях внутренней безопасности. Подобный приоритет национального законодательства над международными рекомендациями требует дальнейшего осмысления в контексте ст. 38 Статута Международного Суда ООН. Принятие Закона 2024 г. сигнализирует о переходе Китая к стратегии «крепостной стены» в условиях растущей геополитической турбулентности и разрыва логистических цепочек. Можно прогнозировать, что в ближайшие годы КНР будет ужесточать контроль за экспортом собственных зерновых резервов и критически важных агротехнологий, что может создать напряженность на мировых рынках и потребует от ФАО поиска новых балансов между интересами крупнейших производителей и нуждами наименее развитых стран.

Кроме того, активность Китая в рамках программ «Юг — Юг» ставит перед международным сообществом вопрос о конкуренции моделей развития. Китай предлагает альтернативу западной парадигме помощи, делая ставку на передачу технологий и инфраструктурное развитие, однако критики указывают на возможные долговые ловушки и экологические риски такой экспансии. Эффективность взаимодействия КНР и ФАО в будущем будет зависеть от способности организации интегрировать китайский ресурсный по-

тенциал в свои программы, сохраняя при этом нейтралитет и приверженность универсальным гуманитарным принципам. Для России как крупного игрока на аграрном рынке опыт Китая представляет особый интерес в части правового оформления механизмов государственной поддержки и создания резервных фондов. Вместе с тем механическое копирование китайской модели без учета иных структурных условий может быть контрпродуктивным.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что сотрудничество КНР с ФАО в сфере продовольственной безопасности вышло на качественно новый уровень, характеризующийся глубокой институционализацией и значительным финансово-технологическим вкладом Китая. Определенную роль сыграли и исторические предпосылки: в 1957–1961 гг. в стране реализовывалась политика «Большого скачка», нацеленная на ускоренное развитие промышленности и сельского хозяйства, что в конечном счете поставило задачу преодоления голода и отсталости [21]. Таким образом, уже во второй половине XX в. в Китае принимались политико-правовые решения для развития сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности страны. На сего-

дняшний день Китай придерживается ценностей Концепции устойчивого развития (ЦУР ООН) [22] и прилагает значительные усилия для искоренения голода в мире, сотрудничая с ФАО и участвуя в реализации ее программ. Пекин успешно использует механизмы ФАО для продвижения своей внешнеполитической повестки, позиционируя себя как ответственного лидера Глобального Юга. Одновременно внутренняя правовая политика Китая демонстрирует бескомпромиссную приверженность доктрине продовольственного суверенитета, закрепленной в законодательстве 2024 г. Данная двойственность — открытость вовне через механизмы помощи и закрытость внутри через жесткий государственный контроль — определяет уникальный профиль Китая в глобальной системе регулирования продовольственной безопасности.

В заключение следует отметить, что консолидация мирового сообщества позволит выполнить задачи Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. [23]. Дальнейшее развитие международно-правовых основ в данной сфере потребует учета растущего влияния китайской модели и поиска компромиссов между принципами свободного рынка и императивами национальной безопасности государств.

#### Примечания

1. Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/declarations/summit2009\\_declaration.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml) (дата обращения: 25.02.2026).
2. О Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО). URL: <https://www.fao.org/home/ru/> (дата обращения: 25.02.2026).
3. Любимов А. П. Доктринальные подходы к продовольственной безопасности России: прошлое и настоящее // Актуальные вопросы экономики, управления и права. 2019. N 4.
4. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/287703/1/577-582.pdf> (дата обращения: 25.02.2026).
5. FAO welcomes China's new \$50 million donation to support South-South Cooperation. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/FAO-welcomes-China-new-50-million-donation-to-support-South-South-Cooperation/en> (дата обращения: 25.02.2026).
6. Китай увеличивает вклад в сотрудничество «Юг-Юг» через ФАО. 2015. URL: <http://en.cidca.gov.cn/southsouthcooperationfund.html> (дата обращения: 25.02.2026).
7. Выступление Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в ходе общей дискуссии на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgwx/t1817107.htm> (дата обращения: 25.02.2026).
8. Ван И выдвинул три предложения по укреплению международного сотрудничества в области продовольственной безопасности. URL: [http://en.cidca.gov.cn/2022-07/09/c\\_791003.htm](http://en.cidca.gov.cn/2022-07/09/c_791003.htm) (дата обращения: 25.02.2026).
9. Regular Programme Country Contributions. URL: <https://www.fao.org/about/regular-programme-country-contributions/en> (дата обращения: 25.02.2026).
10. South-South Cooperation: China and FAO partnership. URL: <https://www.fao.org/sstc-gateway/ru> (дата обращения: 25.02.2026).
11. URL: <https://southsouth-galaxy.org/fao-featured-publications-pom/inspiration-inclusion-and-innovation-fao-china-south-south-cooperation-programme-2009-2019/> (дата обращения: 25.02.2026).
12. URL: <https://russian.people.com.cn/n3/2025/1017/c31521-20378430.html> (дата обращения: 25.02.2026).
13. URL: <http://agri-history.ihns.ac.cn/scholars/caoshuji1.htm> (дата обращения: 25.02.2026).
14. Wang J., Zhao X. The Great Transformation of Chinese Agriculture. London, 2019.
15. Конституция Китайской Народной Республики URL: [http://www.npc.gov.cn/zgrdw/rwxz/2013-11/15/content\\_1807777.htm](http://www.npc.gov.cn/zgrdw/rwxz/2013-11/15/content_1807777.htm) (дата обращения: 25.02.2026).
16. URL: <https://russian.news.cn/20240601/06a11fcb8f3148a5b471d32bb2ef219a/c.html> (дата обращения: 25.02.2026).
17. Галицкая Н. В. Продовольственная безопасность Китая: правовые аспекты и стратегические приоритеты // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. N 3.
18. Закон Китайской Народной Республики о безопасности пищевых продуктов. URL: [http://www.npc.gov.cn/zgrdw/rwxz/2015-04/24/content\\_1930686.htm](http://www.npc.gov.cn/zgrdw/rwxz/2015-04/24/content_1930686.htm) (дата обращения: 25.02.2026).
19. Закон Китайской Народной Республики о сельском хозяйстве. URL: [http://www.npc.gov.cn/zgrdw/rwxz/2013-11/15/content\\_1807766.htm](http://www.npc.gov.cn/zgrdw/rwxz/2013-11/15/content_1807766.htm) (дата обращения: 25.02.2026).
20. URL: <https://www.fas.usda.gov/data/china-number-one-document-provides-beijings-thoughts-and-highlights-food-security-and-rural> (дата обращения: 25.02.2026).
21. История Китая с древнейших времен и до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. М., 2017. Т. 8.
22. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 06.03.2026).
23. Минигулова И. Р. Консолидация мирового сообщества для борьбы с бедностью // Вестник Института права. 2018. N 1.

#### English version

International legal foundations of the PRC's cooperation with the Food and Agriculture Organization of the United Nations in the field of food security  
Yakupova Aliya Nailovna, master's student, Ufa University of Science and Technology  
Minigulova Il'mira Rafisovna, associate professor of the department of international and integration law, Ufa University of Science and Technology, candidate of sciences (philosophy)

This article analyses the evolution of the People's Republic of China's participation in the activities of the Food and Agriculture Organization of the United Nations. It examines China's transformation from an aid recipient to a key donor and initiator of South — South cooperation programmes.

Particular attention is given to a comparative legal analysis of international food security standards and the national legislation of the PRC, including the newly adopted Chinese Food Security Assurance Law of 2024. The author concludes that Beijing's food policy combines the principle of state sovereignty at the domestic level with the instrument of soft power on the international stage, thereby generating new challenges and opportunities for the global food security governance system.

Keywords: food security, agrarian sovereignty, international law, comparative legal analysis.